

ТАЙНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СЛОВЕСНОСТИ

(Перевод Ю. Степанова)

Явные прерогативы окажутся на этот раз отданными на волю дешевых клоунов.

Всякое писание, внешним образом по отношению к своему сокровищу, должно, из уважения к тем, у кого оно в конце концов заимствует что-то для другого объекта — языка, представлять вместе со словами и некоторый смысл, хотя бы и безразличный: сбивая с толку, отталкивая праздного созерцателя, очарованного тем, что здесь на первый взгляд ничто его не касается, — оно выигрывает.

Все-таки, если бы не было какого-то беспокоящего поблескивания, из-под поверхности, которое нелегко отделить от самой поверхности, доступной сетчатке глаза... Оно вызывает подозрение: самые проникающие из публики требуют прекратить, всерьез считают, что содержание-то и непонятно.

Что-то есть таинственное во всем этом, я — так просто верю, что здесь глубоко запрятано и скрыто нечто значительное в самом обычном: ведь едва лишь эта масса брошена по направлению к какому-то знаку, как вот вам и реальность, которая уже существует на листе бумаги, в словесном тексте — не в себе самой, — вот что непостижимо, темно: она в движении, это ураган, готовый набросить тьму на что угодно, неистовый, неиссякающий.

Ее доверчивость по отношению к нескольким составляющим ее, когда они ее устраивают, бьет через край: а исчадие Тьмы, ими же и указанное, отныне и слова не скажет, разве что произойдет встряска, чтобы это была она, загадка, тогда она встряхнет своими пышными юбками: «Не понимаю!» — простодушный объявит хотя бы то, что он сейчас чихнет.

Так вот, следуя инстинкту ритмов, который он избрал, поэт не отказывается видеть диспропорцию между сорвавшимся с цепи средством и результатом.

По поводу того, что было не важно.

— Играя партию, без всякой цели, либо с ничтожной выгодой: выставляя нашу Госпожу и Покровительницу напоказ — ее божественности или ее отсутствия (имея в виду свою ту или иную мечту) как конечную меру, к которой сводится все.

Я знаю, на деле, что они толпятся у выхода на сцену и напускают на себя униженный вид; ибо использовать полутьму — т. е. то, что никто не понимает, понимают ли или нет они сами, — значит сложить руки, еще не начав судить.

Отсюда сенсация, хотя и громко-скандальная, но без отношения к сути —

Что касается дела, то оно буквально не играет роли —

Их же дело —

Разложить товар на невозмутимом первом плане, старье и тряпье, под давлением момента, чтобы писать, в данном случае, и зачем, как не нужно, если только не для достижения банальности; скорее уж чтобы натянуть облако, и красиво, над интимной пропастью каждой мысли, поскольку вульгарное это то, в чем прямо видна непосред-

ственность момента. Так прямо и грубо, что вместо лабиринта, украшенного цветами, куда зазывает досуг, и этих наполнителей, которые, хоть я и остерегаюсь придать им образ и сложить в букеты «к подножию монумента», все равно делаются похожи, на тропинке, протоптанной для головной боли и закрывания глаз вокруг него, со следами штукатурки, не действующих фонтанов и кипарисов, а только с битыми бутылками и...

Даже реклама не решается вписаться сюда.

Ну прямо, как у фонтана — не воды, а света, который бьет без перерывов, а если и прерывается, то придает этому вид временного избавления.

Музыка, в свой черед, пришла навести здесь чистоту —

Пока длится этот отрывок, из-под фальшивых вуалей, они и для нас вуали, проступает сюжет, соединенный из чередований узлов, завязанных и распущенных с искусством —

Обычное чередование.

Можно, впрочем, начать с триумфального блеска, слишком внезапного, чтобы продлиться, он зовет отрывки, освобожденные благодаря эхо с опозданием, соединиться в нечто неожиданное.

Инверсия: складываются в непрозрачные стопки сомнения, готовые свидетельствовать о состоянии духа в данной точке, их топчут и уплотняют, но может выйти окончательный блеск простого первоначала.

Это прием двойниковый, принадлежащий рассудку и симфониям, которые нашли его в репертуаре природы и небес.

— Я знаю: Музыка раздражает, если хочет ограничить Тайну, когда произведение слова стремится к ней.

Высшие разрывы инструментовки, следствие текучих переходов, пробиваются наружу еще более явно, как еще более сильные аргументы, чем любое рассуждение, когда-либо произнесенное; все задают себе вопрос: благодаря каким терминам лексикона слов или идей они доносят эту несравненную истину и добродетель. Как это слово, приведенное в скользящий контакт со смыслом, несет тон или детонирует.

Письмо, безмолвный прорыв в абстракцию, возвращает себе свои права, когда совершается падение голых звуков: оба, Музыка и *она*, учреждают предварительное рассоединение, в речи, — конечно, из отвращения содействовать пустой болтовне.

И такое же приключение в сопровождении противоречий, куда все это опускается и откуда все то ускользает: не без того, чтобы потянуть за собой ткани источников.

Реплика в сторону: все невысокого полета или чтобы меня подхватить. Я начал с намерений, как требуют со стиля — воображают, нейтрального — чтобы при нырянии не расплескать гладкую поверхность и не пустить брызги: для альтернативы закрыто, альтернатива здесь — закон.

На чем держится здесь, я имею в виду в этих контрастах, понятность? Нужна какая-то гарантия —

Синтаксис —

Не его гирлянды и завитушки, сами по себе, нацепленные на оборот речи, хотя приемчики и хороши в целях убеждения.

Один деревенский говор, называемый «французский язык», не теряет элегантно-сти даже и в затрапезном платье, и вся история свидетельствует об этом качестве изысканной расы: но наша литература выходит за рамки «жанра», переписки или мемуаров. Топорная работа или плавный размах крыльев входят сюда тоже: кто умеет их делать, владеет всем — и ясностью структуры и молниями логики. Невнятное бормотание, которым кажется фраза, запихнутая в синтаксические повторы и придаточные, вдруг вычерчивает свою композицию и взлетает вверх, чтобы парить там в плавном равновесии, заряженном переворотами через голову.

Если кому угодно, под впечатлением этого размаха, обвинить... То кого? — Язык. И вот его беспокойный очерк.

Слова, сами собой, предстают множеством граней, в которых видят то нечто редкое, то нечто заряжающее ум неслыханной вибрацией; видит тот, кто способен воспринять их независимо от их обычной последовательности — как цепь гротов, разделенных тонкими перегородками и соединенных в единое целое движением или принципом, которых нет в речи, как цепь воспламенений, каждое из которых, прежде чем погаснуть, передает огонь следующему по порядку или оказавшемуся в соприкосновении по случайности.

Споры из-за деталей, неизбежно попадающих в обычное, среднего диапазона, поле зрения, касаются грамматистов. Да будь это и такой несчастный среди них, который ошибается на каждом шагу, и он не выделяется из привычной массы путаницы своих противников ничем: ах, я не понятен — так непонятность — их общее достояние; я непоследователен, я переживаю одно и то же, я плагиатчик — у всех так; разве что ему бросают еще одно обвинение, специальное, для своей собственной защиты: его неинтересно читать; но этот упрек исходит обычно от тех, кто не желает, чтобы читала широкая публика, первыми фальшиво провозглашают, что им это все неинтересно.

Я, перед лицом этой агрессии, предпочитаю заявить, что мои современники не умеют читать —

Разве что газету; она, конечно, имеет достоинство — не прерывает поток привычных забот.

Читатель —

Это вот что такое —

Увидеть пробел, который на данной странице открывает ее своей непричастностью ни к чему, даже к заголовку, говорящему слишком громко: увидеть пробелы абзаца, даже мельчайшие, — всех абзацев, рассеянных по странице; случайность, побеждаемую слово за слово, неотступно пробел возвращается, только что он был бесцельным, а вот теперь

определенный, чтобы заключить, что по ту сторону нет ничего и установить подлинность молчания —

Девственность, которая в одиночестве, перед прозрачностью адекватного взгляда, сама как бы распадается на фрагменты девственности, доказательства брачных потенций Идеи.

Мелодия или пение под текстом, направляющее чары текста отсюда по ту сторону, прилагает к этому свой мотив, как бы бронзовое упражнение или лампу, невидимые отдельно.